

Хасан Б.И.

### ПАРАДОКСЫ МЕДИАЦИИ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МЕДИАТОРА (ПОСРЕДНИКА)

*«Мало говорить с толком, надо  
еще и с людьми поговорить»  
С.Е. Лец*

Обращаясь к теме медиации с попыткой ее функционального и контекстного психологического анализа, хочу сразу оговорить именно жанр «попытки», т.к. вполне отдаю себе отчет, что эта тематика уже фактически разобрана различными отраслями и вовсю эксплуатируется в правовом пространстве, в массовых коммуникациях, в политике и пр. и пр. Более того, у этой темы уникальная для нашего отечества судьба. С вступления в январе 2011 года в силу Федерального закона об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) N 193-ФЗ – эта деятельность получила статус института еще до того, как развернулась и проблематизировалась соответствующая социальная практика. Т.е. законодатель чуть ли не впервые в нашей истории действовал опережающим образом. Можно рассматривать этот факт как потрясающий симптом признания приоритета культуры коммуникации над культурой принуждения. Культуры переговоров для соглашений над культурой манипуляций, модифицирующих поведение.

Удивительный привет из истории. В первой четверти прошлого века О.Э. Мандельштам писал:

«В жизни слова наступила героическая эра. Слово Плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти: страдание. Люди голодны. Еще голоднее государство. Но есть нечто более голодное: время. Время хочет пожрать государство. Как трубный глас звучит угроза, нацарапанная Державиным на грифельной доске. Кто поднимет слово и покажет его времени?»

Время, в котором писал поэт, и время, о котором писал поэт – время очень интенсивного, взрывного обострения противоречий, прежде всего, форм и содержания человеческих общностей и человеческого бытия. Время таких конфликтов, разрешение которых, увы, не предполагало посредничества как специального института и эту функцию брала на себя литература, публицистика, поэзия. Только эти институции были сомасштабны конфликтам.

Но слово может быть и посредником и проводником и оружием.

И для того, чтобы хотя бы попробовать на новом витке истории не путать эти функции слова и понятия, памятуя, что согласно Л.С.Выготскому, «мысль в слове не оформляется, а свершается», предпримем попытку понимать и различать назначение и функции социального посредничества, его (посредничества) виды и специфические характеристики той позиции, из которой посредничество уместно и возможно.

Медиация (обеспечение связи, опосредствование, посредничество) – столь

же древняя деятельность, как и сам конфликт. При этом важно, что противоречия и столкновения интересов и позиций достаточно давно пытались урегулировать с помощью третьих, как бы не заинтересованных лиц именно тогда, когда непосредственные участники этих столкновений начинали понимать, во-первых, свою зависимость от другой стороны, во-вторых, невозможность или явную неперспективность прямого контакта с другой стороной. В общем, не взаимодействовать невозможно, но и взаимодействовать – тоже. Нужен кто-то посередине, между, – тот, посредством кого решается эта тупиковая ситуация.

Любопытно, что в «Играх обмена» Ф. Бродель прямо сообщает, что именно с появлением интересов посредничающих фигур собственно возникли рынки и появились сложные игры продаж. Обратим внимание на то, как называли тех, кто занимался сложными формами торговли – негоцианты (!).

Формально или идеально посредничество в переговорном процессе между участниками конфликта не должно претендовать на статус позиции, принимающей решение относительно возникшего и разрешаемого конфликта. Хотя при этом медиатор должен знать и понимать интересы и позиции сторон. Именно в этом состоят условие и специфика посредничества.

В книжке «Конструктивная психология конфликта» я уже делал попытку противопоставить идеальные представления о посредничестве и их реальные воплощения.

Теперь же представляется важным специально сфокусироваться на противоречии модельных (идеальных) представлений о посредничестве, из которых обычно декларативно исходят стороны, определяющие фигуры посредников и заявляющие свои ожидания от такого рода деятельности и реалиях посредничества.

В качестве примера можно привести довольно сравнительно недавнюю декларацию одного из центральных телевизионных каналов: «Мы не делаем новости, мы их сообщаем!»

Здесь уместно обратить внимание на ряд психологических особенностей и в действительности переговорных процессов, и в позиции, определяемой как «медиация».

Обращение актуально или потенциально конфликтующих сторон к некоторой внешней инстанции за помощью в решении возникших трудностей уже много лет имеет и вполне определенные культурные формы и соответствующие обобщения и систематизации, представленные более всего в юридической практике, в области политики, в деловых отношениях. Занятно, что очевидный дефицит и, соответственно, слабо структурированные, но довольно интенсивные и острые дискуссии относительно дифференцированных функций медиационных процессов можно отметить в области журналистики.

Можно и, по-видимому, необходимо для решения определенных образовательных задач, обратиться к историческим реконструкциям прототипов такой деятельности. Определиться с такими прототипами не составит сложности, они достаточно отчетливо представлены в практиках религиозных институтов, в образовательных и хозяйственных практиках, в международной политике, в действительности становления гражданского общества. Имея неоспоримую специфику,

связанную с той областью, в которой разворачивается конфликт, т.е. с тем, что образует предмет разногласий, включение внешней, по отношению к самому конфликту и его сторонам, инстанции имеет всякий раз то, что, безусловно, объединяет все без исключения случаи такого вмешательства.

Противоречия возникают между различными позициями. Они зачастую неизбежны в силу природы явлений общественной, хозяйственной и других форм человеческой жизни. Актуализируются же противоречия и воплощаются в отношениях и поведении конкретных живых людей. Именно их действиями и обнаруживается, и существует (живет), и разрешается противоречие в конкретных конфликтах. Именно от того, как эти люди (персонажи) обнаруживают, понимают и решают конфликт, зависит судьба противоречия.

Иными словами, от того, как конкретные люди переживают и действуют в конкретных конфликтах, в значительной степени зависит, будут ли они разрешены или будут продолжать «жить» в иных формах. Принципиальное отличие конфликта разрешенного от отложенного, прекращенного, вытесненного и т.п. состоит в том, что для тех, кто его разрешил, он выполнил свою функцию обнаружения, оформления и, в итоге, либо снятия, либо удержания в культурном виде того противоречия, которое в нем было представлено.

Итак, несмотря на существенные различия в предметных областях, где возникают противоречия и актуализируются конфликты, всякий раз именно особенности человеческого персонифицированного восприятия, отношения и умения существенным образом определяют и течение, и исход конфликтных взаимодействий. В свою очередь, это означает, что психологический аспект составляет абсолютно необходимую и достаточно сложную часть включения внешнего участника в потенциальное, актуальное или прошлое, но переживаемое конфликтное взаимодействие. Само по себе это обстоятельство выглядит довольно тривиально и уже достаточно подробно исследовано как в социальной психологии, так и в специальных источниках, посвященных изучению межличностных конфликтов. Такие материалы очевидно важны и в конфликтологических работах, поскольку вместе со спецификой той области и предметного содержания, в которых и по поводу которых происходят конфликты, представляют собой специальное содержание, определяющее успех работы с конфликтом.

Некоторую небанальность обсуждения психологической составляющей конфликтного взаимодействия, в котором участвует в качестве специального средства некоторая третья сторона, придает то обстоятельство, что появляется довольно сложная, социально-психологически устроенная структура, в которой фигура того, кого сейчас стало принято называть медиатором, требует не только технологического и функционального описания.

Отступление в данном случае от функционального и технологического описания обусловлено тем, что такого рода представление о медиации и даже о медиаторах за последние уже более чем тридцать лет представлено во множестве (например, Т. Коohan, 1978; К. Kressel, D. Pruitt, 1985, Х. Бесемер, 2004 и др.), в то время как психологические характеристики взаимоотношений конфликтующих сторон с медиатором и их специфика, обусловленная именно медиационным ха-

рактером процесса, представлена, мягко говоря, весьма скромно. И уж совсем обойден вниманием вопрос о психологических основаниях и специфике самоопределения медиатора.

Особенность профессиональной позиции медиатора состоит в том, что эта позиция специальным образом предполагает решение двух линейно взаимоисключающих задач: разделение конфликтующих сторон и их связывание. Не случайно в западных школах по медиации используется метафора стеклянной стены, через которую стороны видят друг друга, но не могут войти в непосредственное соприкосновение. Необходимость реализовать собой это амбивалентное отношение задает противоречивый характер в самом основании профессиональной позиции. Это обстоятельство уже предъявляет особые требования к рефлексивным личным ресурсам медиатора, претендующего на высокий профессиональный статус. Но, как утверждают наши американские коллеги, вполне может быть компенсировано жесткой технологической, вплоть до алгоритмизации, схемой медиационных процедур, якобы почти нивелирующих индивидуальные психологические характеристики соответствующей фигуры.

В этой связи вспоминается занятая ситуация, связанная с попыткой алгоритмизировать технологию недирективной клиентцентрированной терапии К. Роджерса путем создания компьютерной программы «Элиза» (авторы имели в виду персонаж Б. Шоу – Элизу Дулитл). Смысл программы состоял в том, что имитировался диалог с виртуальным психотерапевтом, обладающим характеристиками абсолютного слушателя и эмпатического понимающего. В экспериментальных условиях программа удовлетворяла имитации клиента, однако в реальных переживаниях серьезных конфликтов довольно быстро были обнаружены ее психологические ограничения, и программа заняла свое почетное место в ряду дидактических тренажеров для терапевтов-стажеров (Bozarth, J.D. & Brodley B.T. Actualization: A functional concept in client-centered therapy. In A.Jones & R.Crardall (Eds), Handbook of self-actualization. [Special Issue]. Journal of Social Behavior and Personality, 6 (5), 45-59, 1991).

Медиация, в отличие от судебных процедур, только тогда может рассчитывать на успех, когда стороны принимают посредника как такое средство, которое по аналогии можно сравнить с последним терапевтическим действием, могущим предотвратить хирургическое вмешательство. Это означает, что профессиональная готовность непременно учитывает психологически зависимое состояние и участников конфликтного взаимодействия, и самого медиатора. Какими бы специальными формулировками в первой процедуре – встрече со стороной ни описывал медиатор свои функции, назначения и ограничения, это никак не избавляет его от индивидуально обусловленных установок и социальных клише, приписываемых той фигуре, от которой ожидается помощь в разрешении проблемы. При чем такой проблемы, которая уже имеет историю неуспеха.

Принципиальным для медиатора вопросом, который требует специального обсуждения, и базового для всех последующих процедур решения является вопрос о том, что именно в конфликтном содержании требует разделения, а что связи сторон. Этот вопрос решается за счет структурно-динамического анализа кон-

фликта. И особым фокусом этого анализа выступают переживания сторонами отношения во всем их сложном спектре: от отношения к предмету конфликта до межличностных отношений его участников и их истории.

Утверждаю, что с учетом всего вышесказанного положение о том, что посредник – тот, кто ни в ком случае не претендует на содержательное разрешение конфликта и не имеет в нем интересов, – не может быть реалистичным ни с точки зрения сторон в конфликте, ни с точки зрения самого посредника. Последнее менее очевидно, чем первое. Достаточно часто в практике разрешения обыденных конфликтов может возникать иллюзия нейтральности посредника. В политических или экономических конфликтах такой иллюзии уже практически нет.

Итак, парадоксальность посредничества как особого рода культурной практики состоит во взаимоисключающих характеристиках «чистой» функции и возможностях ее деятельностного и субъектного воплощения – реализации. То есть, посредник всегда сторона, которая является и должна быть заинтересованной в определенном исходе конфликта. Иными словами, эффективное посредничество обусловлено рефлексивно поглощающей конфликт позицией. Т.е. такой позицией, из которой конфликт представляется включенным в более сложную картину взаимодействий и столкновений интересов. В действительности и участниками, и самим посредником включение в разрешение (урегулирование) именно этой фигуры определяется двумя факторами: наличием ресурса, превосходящего отдельные ресурсы конфликтующих сторон, и наличием интереса, поглощающего (превосходящего) интересы конфликтующих сторон.

Практика показывает, что эти два обстоятельства определяют и выбор посредника, и согласие определенной стороны выполнять соответствующие функции.

Следовательно, идеальные представления о посредничестве либо радикально расходятся с практикой, либо являются заведомой фикцией.

Второе обстоятельство, которое кажется важным в обсуждении, – это генезис самоопределения посредника как персоны. Здесь мне хочется отметить парадокс вообще медиапроцесса, который в своей идеальной форме должен всего лишь обеспечивать функцию связи, абсолютно нивелируя собственно канал связи как таковой. Т.е. при хорошем (идеальном) медиапроцессе должно создаваться впечатление непосредственного контакта сторон. Вспомним: «Мы сообщаем новости, а не делаем их!» – специальный акцент на беспристрастности, объективности. Предполагается, что функция и назначение – в обеспечении хорошего «канала», в идеале, – не искажающего информацию, т.е. как бы минимизирующего невозможность непосредственного контакта.

Такие процессы исторически достаточно известны и первые среди них – это актерство и религиозное посредничество или магии (контакт верующего с высшими силами или с всевышним). На втором месте «педагог» именно как проводник, т.е. тот, кто обеспечивает переход от условно естественного состояния к культурному. Важно, что в древности отчетливо различали Учителя и педагога. Первый был собственно источником мировоззрения и претендовал на непосредственное воздействие с персональной ответственностью, второй только служил

процессу и идее трансляции и воспроизводства культуры, т.е. представлял собой функцию, включенную в более сложный процесс. На третьем – известная древнейшая профессия массмедиа. Обратите внимание на то, какую роль играют эти медиаторы в современности.

На мой взгляд, это закономерная компенсация индивидуальности, вовлеченной в ответственный процесс и лишенной собственного статуса в этом процессе. Попытки хоть как-то проводить идею отказа от себя (аскеза) очевидно и явно несостоятельны в массовой практике. Т.е., по-видимому, такое самоизолирующее поведение в принципе возможно как исключительное, но не массовое. Оно требует какой-то специальной подготовки. Такого рода практики монашества или ордена известны, но также связаны с эффектами психологической компенсации, т.е. невроза.

Итак, для медиаторской компетенции в урегулировании конфликтных отношений (а не в разрешении конфликта) важно отчетливо понимать особенности и риски претензий на медиафункции, начиная с онтологических картин медиации и завершая типологией или репертуаром частных случаев, и претензии на значимость и признание собственной роли и позиции, т.е. претензии на Учителство или Актерство. Последнее связано с понятием и эффектом популярности и требует специального обсуждения (книга Ги Дебора «Общество спектакля»). Отчетливая дифференциация функций и видов посредничества – предельно важный аспект современной практики и профессиональной подготовки к ней. И это относится не только к локальным отраслевым институтам, но и к общественным форматам медиации, в которых, к сожалению, все еще путаются (если не специально реализуются) функции собственно медиа позиции и позиции «проводника» или манипулятора под маской.

Список использованных источников:

1. О.Э. Мандельштам. Слово и культура. Соб. Соч. т.2. – М.: Терра, 1991
2. Б.И.Хасан. Конструктивная психология конфликта. – СПб.: Питер, 2003.
3. Ги Дебор. Общество спектакля. – М., 2000.